

«Законы» Платона и современное правосознание

Голубев С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируются «Законы» — одно из самых значительных, но по сей день не вполне исследованных произведений Платона и фундаментальные мировоззренческие основания современной концепции права.

Цель работы — посредством сравнительного анализа платоновского понимания природы права и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию, раскрыть в самых общих чертах сущность права как такового.

Материал и методы. *Представлен сравнительный анализ платоновского понимания природы права как основополагающего регулятора общественной жизни и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию. Наряду с методом сравнительного анализа использованы также общелогические и общенаучные методы.*

Результаты и их обсуждение. *Показано, что принципиальным для Платона было утверждение сакральной, божественной природы как права в целом, так и конкретных правовых норм. Для современных же представлений, особенно начиная со второй половины XX века, характерно, напротив, отрицание не только сакральной, но, по сути, вообще какой-либо надындивидуальной укорененности права и его норм, что делает последние все более субъективными. Соответственно, сегодня юридическая наука и правосознание в целом оказываются не в состоянии сформировать сколько-нибудь ясное понимание природы и сущности права. Не помогает этому и понятие «легитимность», поскольку в содержательном плане оно так или иначе отсылает к сакральному.*

Заключение. *Таким образом, теоретическое рассмотрение сущности права приводит к выводу об актуальности изучения «Законов» Платона для современной теории права и развития правосознания.*

Ключевые слова: *закон, право, правопорядок, правосознание, легитимность, харизма, сакральное, безусловные ценности.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 105–109)

Plato's «Laws» and Contemporary Sense of Justice

Golubev S.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

«Laws», one of the most significant but still not quite explored Plato's work, is analyzed in the article as well as fundamental worldview bases of the contemporary concept of law.

The aim of the article is to conduct a comparative analysis of Plato's understanding of the nature of law and ideas of its nature characteristic of the contemporary sense of justice, and thus disclose in the most general way the essence of law as it is.

Material and methods. *Comparative analysis of Plato's understanding of the nature of law as a fundamental regulator of social life, and ideas of its nature, which are typical of contemporary sense of justice, to disclose in the most general way the essence of law as it is, is presented. Along with the method of comparative analysis, the general logical and the general scientific methods are used.*

Findings and their discussion. *It is indicated that confirmation of sacral, divine nature of both law in general and individual legal norms was principle for Plato. However, contemporary ideas, especially of the second half of the XX century, are characterized by rejection of not only sacral but also any over-individual rooting of law and its norms, which makes the latter still more subjective. Accordingly, today, the science of law and sense of justice in general are not able to shape any clear understanding of nature and essence of law. The notion of legitimacy does not help here either since it anyway refers to the sacral.*

Conclusion. *Thus, theoretical consideration of the essence of law leads to the conclusion of urgency of the study of Plato's «Laws» for the contemporary theory of law and the development of the sense of justice.*

Key words: *law, theory of law, law enforcement, sense of justice, legitimacy, charisma, sacral, unquestioned values*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – 105–109)

Произведение «Законы» — итоговое творение Платона. Мыслителя, заложившего основы и создавшего непревзойденные образцы западной философской и социально-политической мысли, а в более широком понимании говоря, всей теоретико-познавательной традиции, выработанной в рамках европейской цивилизации. Значимость платоновского вклада в данном отношении вряд ли может быть преувеличена. Показательны в этой связи слова

М. Хайдеггера: «Вся западная философия есть платонизм» [1]. Подобная оценка платоновского творчества в целом не отменяет, конечно, того, что отдельные произведения мыслителя могут оцениваться по-другому. Именно к таким трудам сегодня, как правило, относятся «Законы», получившие у современных исследователей «традиционно низкую оценку» [2], что привело к тому, «что в научной литературе имеется только небольшое количество подробных и внимательных анализов этого про-

изведения» [2, с. 713]. Добавим, что в отечественной научной литературе, в том числе и новейшей, таких, подробных и внимательных анализов, насколько нам известно, вообще нет. И это несмотря на то, что речь идет о крупнейшем завершающем труде, своего рода завещании мыслителя. Тем более, как отмечает крупнейший российский исследователь платонизма А.Ф. Лосев, «если подходить к “Законам” чисто исторически, а не субъективно, то значение этого произведения окажется настолько большим, что в некоторых отношениях оно будет даже превосходить значение других диалогов Платона» [2, с. 713]. С подобным авторитетным мнением, на наш взгляд, нельзя не согласиться. И в этой связи, очевидно, что, поскольку «Законы» специально посвящены изложению платоновского учения о праве, постольку, надо полагать, именно в этом отношении, – в отношении исследования и понимания природы и сущности права, – данное произведение должно иметь не просто весьма большое, а «превосходящее» значение.

Цель статьи – посредством сравнительного анализа платоновского понимания природы права и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию, раскрыть в самых общих чертах сущность права как такового.

Материал и методы. Представлен сравнительный анализ платоновского понимания природы права как основополагающего регулятора общественной жизни и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию. Наряду с методом сравнительного анализа использованы также общелогические и общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Платон начинает «Законы» с определения главной цели, общественного предназначения правильно устроенного, совершенного законодательства, его, так сказать, социального смысла. Первое, на что обращает внимание мыслитель, – это необходимость обеспечения мира и безопасности в обществе, которая лежит в основании права как такового. Вопреки известному опыту Спарты и вообще распространенным у постоянно воевавших греков представлениям, он считает, что наилучшее законодательство не может основываться на интересах войны. Мир, безопасность, отсутствие междоусобиц, согласно Платону, – необходимое условие достижения главного общественного блага – справедливого устройства общественной жизни, справедливости в отношениях между людьми. Далее, развивая эту мысль, Платон с предельной четкостью сформулирует: «Вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить справедливость – это и есть задача наилучших законов» [3].

Поскольку стремление к справедливости свойственно человеку как разумному и нравственному существу, законодательство должно быть направлено на формирование-воспитание у граждан таких качеств, как разумность и мужественность, рассудительность и спокойное состояние души [3, с. 75, 78–79]. Еще одна важная цель-задача совершенных законов – всемерно способствовать укреплению благосостояния граждан, – прежде всего их здоровья, красоты и силы, а также материального достатка, относительно которого, впрочем, настоятельно рекомендовались умеренность и спокойное состояние души.

Достижение, а не простое провозглашение этих целей требует тщательной и всеобъемлющей правовой регламентации всей жизни общества и скрупулезной разработки каждого конкретного закона, ведь в деле законодателя нет мелочей. Такое отношение к Закону было обусловлено, прежде всего, теми присущими греческому духу представлениями, согласно которым законы социального бытия являются лишь спецификацией, частным случаем, проявлением общих законов Космоса, который есть нечто живое, более того, божественное существо, наделенное душой и разумом. Поэтому космическая гармония, установленная Богом, и есть подлинное основание правильно устроенного полисного законодательства. Это базовая аксиома и методологический принцип платоновских «Законов», в которых и правотворчество в целом, и каждое конкретное нормативное предписание в частности оказывается *частным случаем*, необходимым *логическим* следствием проявления общих законов бытия. Правильно и четко сформулировать эти следствия-положения в применении к полисной жизни и составляет, собственно, главную задачу законодателя, а с другой стороны, именно и только такая установка способна придать этим формулировкам действительную «объективность», собственно *законность*.

Убеждение в сакральной природе права, очевидно, не может не сочетаться с высочайшим уважением к его нормам и должно вести к формированию глубокой уверенности в необходимости их неукоснительного соблюдения. И Платон со всей определенностью утверждает именно такое отношение к праву. Закон есть высшее благо для общества и высочайшая ценность для индивида. Безусловное следование ему – обязанность, *священный долг* каждого. Более того, в следовании законам и проявляется, прежде всего, разумная и нравственная природа человека. Вот одно из ключевых положений «Законов»: «Бог по древнему сказанию держит начало, конец и середину всего сущего, за ним всегда следует правосудие, мстящее тем,

кто отступает от божественного закона. Кто хочет быть счастливым, должен держаться этого закона и следовать ему смиренно и в строгом порядке» [3, с. 168]. Важно отметить также, что в «Законах» в качестве важнейшего принципа права утверждается, причем с совершенной бескомпромиссностью, необходимость безусловного подчинения государственной власти закону, необходимость *правового государства*. «Не ради словца, — пишет Платон, — назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Там же, где закон — владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства» [3, с. 168]. На важность и четкую однозначную формулировку платоновской идеи о сущностной связи государства и права обратил внимание А.Ф. Лосев: «Таким образом, с точки зрения Платона, государством является только правовое государство» [4]. Характеризуя же правовую концепцию Платона в целом, тот же автор отмечает: «Из всего изложенного вытекает, что наивысшая красота и наиболее прекрасная жизнь по Платону заключается в добродетельном законе и в безусловном выполнении этого закона, как во всех больших и главных явлениях жизни, так решительно во всех ее мелочах. Закон, закон и закон и притом, прежде всего, закон государственный, который является одновременно также и законом религиозным и моральным, — вот основной принцип эстетики (т.е. миропонимания, философии. — С.Г.) Платона» [4, с. 226].

В наши дни так же, как и во времена Платона, говорят о необходимости обеспечения справедливости, служения общественному благу, защиты высоких идеалов. В этом по-прежнему видят предназначение права. Однако сущность его сегодня понимается отнюдь не по-платоновски. Более того, современное правосознание вообще не обладает ясными представлениями о ней. В этой связи весьма показательны, на наш взгляд, суждения о положении дел в современном правоведении, приводимые в одном из самых авторитетных российских изданий по теории государства и права: «Совершенно прав был Г.В. Мальцев, когда констатировал, что “известное замечание Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, остается справедливым и в наши дни”. “Юридическая мысль, — отмечал автор, — судя по всему обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности”» [5]. И еще одно характернейшее суждение — американского ученого С. Форда, за-

явившего, что в результате интеллектуальной деятельности многих поколений юристов, был «создан весьма внушительный список дефиниций права, но ни одна из них до сих пор не является “вполне дефинитивной”, адекватно отражающей правовую реальность и всех устраивающей» [5, с. 72].

Надо отметить, что подобное положение дел проистекает не из внутренней, собственно правовой проблематики современной теории права, а обусловлено тем, что современное правосознание, оперируя теми же ключевыми понятиями, что и Платон (закон, справедливость, общественное благо, правовой идеал), вкладывает в них совсем иной смысл. Если Платон в «Законах» рисует картину совершенного, гармонично устроенного и управляемого высшими силами Космоса, органической частью которого и должно быть полисное законодательство, то современное сознание (и правосознание) ничего не знает о высших силах, мир для него заполнен неопределенностью, в нем порядок рождается из хаоса, господствует вероятность и нет ничего устойчивого, «вечного». В таком мире и право в сущности своей не может, конечно, не быть чем-то не вполне определенным и должно, постоянно меняться, «совершенствоваться».

Сегодня Космос есть только пространство, сугубо физическая реальность. И законы, принимаемые в обществе, с этой реальностью никак не связаны, что естественно для миропредставления, в котором осуществлено разделение и даже противопоставление «природы и общества». Поскольку право не может быть более проявлением Логоса, современное правосознание в качестве его (права) фундаментального основания полагает понятие легитимности. Легитимность, соответственно, и есть более широкое, чем только юридическое, основание законности. Законности как той или иной правовой нормы, так и права в целом.

Необходимость легитимации права обусловлена тем, что оно, по существу своему, требует наличия объективного критерия-меры различения правомерного и неправомерного, что делает логически и практически оправданным нахождение независимого от субъективных мнений основания для такого критерия. Ибо субъективное основание, в соответствии с понятием, выводит всякое решение за рамки права, именно в сферу *произвола*. Очевидно, что в логическом отношении, объективный критерий не может быть установлен посредством суммирования или даже «обобщения» субъективных мнений. С практической точки зрения, установление такого критерия в результате подобных операций, в силу изменчивости и противоречивости субъективных мнений, обрекало бы его на постоянные изменения, не-

устойчивость и неопределенность, то есть, собственно, на функциональную непригодность. Объективный критерий правомерности, следовательно, может быть только постулирован.

В гносеологическом отношении праву как формализованной системе законоформулирующих положений релевантна теорема Гёделя о принципиальной неполноте любых достаточно развитых формальных систем. То, что непротиворечивость теории нельзя доказать средствами этой теории, означает, что непротиворечивость или, что, в данном случае, одно и то же, — правильность и справедливость правовых норм не может получить собственно правового обоснования. Это означает также, что *правомерность* критерия *правомерности* не может быть доказана средствами и в рамках самого права. Право, следовательно, не имеет силы, чтобы обосновать само себя. Говоря более терминологично, из неполноты права следует, что любая процедура обоснования легитимности (как права в целом, так и любой его конкретной нормы) требует перехода к более сильным допущениям, обращения к более содержательной, менее формализованной, чем правовая, системе утверждений. В качестве таковой для права непосредственно выступает мораль. Право, в адекватной методологии Гёделя формулировке, есть подсистема моральной системы, построенная посредством формализации, кодификации суждений, содержащих (эксплицитно или имплицитно) одно из основных понятий морали — понятие справедливости (*юстиция*).

Мораль, в свою очередь, также неполна. Ее положения и нормы невозможно обосновать аргументируя исключительно из сферы моральных суждений. Моральное сознание, что было в систематической форме показано в «Критике практического разума» Канта, антиномично по своей природе и предполагает обращение к религии как необходимому средству разрешения этой антиномичности. Иначе говоря, действительное (и действенное) обоснование системы морали требует понимания ее как подсистемы, встраивания морали в систему с более сильными допущениями. Среди этих последних, поскольку они должны служить обоснованию практически неформализованной и, по сути, беспредельно содержательной системы, должно быть и предельно, абсолютно сильное допущение или *допущение абсолютного*. Именно поэтому религия как система, содержащая допущение-утверждение бытия абсолютного, постулирующая безусловные ценности, и является необходимым основанием морали.

Таким образом, анализ оснований правомерности права в свете методологического значения теоремы Гёделя выявляет сле-

дующую системную иерархию: религия — мораль — право. Из этой зависимости следует, что объективность постулирования критерия правомерности может получить действительное обоснование только посредством апелляции к безусловным ценностям, установления связи с абсолютным. Это, в свою очередь, означает, что легитимность как таковая обеспечивается, в конечном счете, соответствием определенным моральным и религиозным представлениям.

Теперь, получив результат предельно абстрактного, логико-концептуального анализа понятия «легитимность», перейдем к рассмотрению теоретико-социологической интерпретации проблемы легитимности, разработанной Т. Парсонсом. Именно в его концепции роль религиозных, сакральных факторов в формировании и функционировании легитимного социального порядка была рассмотрена с исключительной полнотой и в строгой системно-теоретической форме.

Анализируя фундаментальные предпосылки человеческой деятельности, Парсонс отмечает, что человек, по природе своей, склонен развивать «метафизическую интерпретацию собственного мира», которая, не может не оказывать влияния на его (человека) действия [6]. Ученый так говорит об этом влиянии: «Сами по себе религиозные интересы не формируют целей действия, а скорее — схему идеальных условий, при которых эти цели могут быть осуществлены. Будут ли конкретные цели приобретать смысл, зависит от того, какова структура этой схемы» [6, с. 195]. Парсонс показывает теснейшую связь религиозного и правового, вводя в свою теорию понятие «харизма» и подчеркивая, что оно «присуще религиозной системе отсчета», и что именно, «благодаря религиозному значению, харизма может служить источником законности (узаконения)» [6, с. 748]. Он так определяет взаимосвязь харизматического (а тем самым, и религиозного) и правового: «Законность, следовательно, — это институциональное применение или воплощение харизмы» [6, с. 190]. Религия, таким образом, оказывается последним основанием, источником правопорядка, вообще социального порядка в человеческом обществе. Для Парсонса — это также принципиальное положение. Он утверждает наличие «*причинной цепи*, которая существует между религиозными убеждениями и институционализированным социальным порядком» [7].

В общем, Парсонс так описывает структурно-генетическую последовательность формирования и принципы функционирования правового порядка в обществе в целом: «Следует подчеркнуть значимость культурной легитимации нормативного порядка общества, поскольку именно ей принадлежит наивысшая по-

зация. В первую очередь, она действует через институционализацию системы ценностей, которая является частью и социетальной и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок» [8]. В подобных словах, как видим, вполне определенно утверждается фундаментальная роль системы ценностей в конституировании легитимного правового порядка. Характеристика же самой этой системы в интересующем нас отношении такова: «В конечном счете, ценности легитимизируются, главным образом, в религиозных терминах» [8, с. 22].

В целом, системно-теоретический анализ социального действия, проведенный Т. Парсоном, позволяет сделать вывод, что в формировании легитимного социального порядка имеет место следующая структурно-генетическая зависимость: религия (сакральные, безусловные ценности) — система ценностей норм (культура, мораль) — нормативно-институционализированный (легитимный) социальный порядок (правопорядок). Данный вывод в содержательном плане практически аналогичен тому, который был получен посредством логико-концептуального анализа понятия «легитимность» в свете методологического значения теоремы Гёделя.

Стоит отметить, что и крупнейшая после парсоновской социологическая теория, в которой специально разрабатывалась проблема легитимности, — теория Н. Лумана — приходит к аналогичному ее решению. Луман, как известно, понимает общество как систему коммуникаций. Понятие коммуникации, поскольку коммуникация есть, по существу своему, обмен смыслами, приводит к понятию *смысла*. Луман говорит даже о «смысловом характере общественной системы» [9]. Иными словами, речь идет о том, что социальный порядок как условие и как результат взаимодействия, коммуникации индивидов должен иметь для них некий смысл, причем не для «каждого свой», а, существенным образом, общий, «генерализованный». Но всякий смысл как таковой полагается «контекстом», то есть более широкой (*с более сильными допущениями*) смысловой системой и, в конечном счете, *постулативен*. Конкретно говоря, смысл всякого социального действия, всякой коммуникации необходимо связан с *Большим смыслом* — со смыслом Мира, смыслом жизни и, конечно, смыслом определенного социального порядка.

Характеризуя содержание понятия «легитимность», он, по сути, приходит к *теорети-*

ко-социологической интерпретации гёделевского положения о неполноте формальных систем, применяя его к «системам коммуникативных средств». «Легитимность, — пишет он, — обычно определяется через ценностный консенсус». И далее делает принципиальное замечание, что уточнению этого определения «мог бы помочь тезис, согласно которому коммуникации по поводу кода медийного средства должны всегда управляться *другим* медийным средством. С системно-теоретической точки зрения это означает, что системы коммуникативных средств на своем *высшем* символическом уровне утрачивают свою автономию. Каждое общество нуждается поэтому в самых последних — не контингентных по отношению к нему — основаниях» [9, с. 88]. Луман приводит в качестве характерного примера учение авторитетного правоведа Г. Кельзена об основной норме (*Grundnorm*), в котором аргументируется необходимость внешнего не «контингентного» по отношению к праву основания правомерности [9, с. 91]. Но такое основание, как было показано, требует признания безусловных ценностей, в конечном счете, так или иначе восходящих к сакральному источнику.

Закключение. Таким образом, концептуально-теоретическое рассмотрение платоновского понимания сущности права в сопоставлении с проведенным в логико-концептуальном и теоретико-социологическом ракурсе исследованием проблемы легитимности позволяет сделать вывод об актуальности изучения «Законов» Платона для современной теории права и развития правосознания. Можно говорить и о том, что современное правосознание для обоснования объективного критерия правомерности, а тем самым и законности конкретных правовых норм и права в целом нуждается в постулировании неких ценностей в качестве безусловных, по существу, сакральных.

Литература

1. Хайдеггер, М. Время и бытие // М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1994. — С. 58.
2. Лосев, А.Ф. Абсолютистское завершение платоновского идеализма в «Законах» / А.Ф. Лосев // Платон. — М.: Мысль, 1994. — Т. 4. — С. 713.
3. Платон. Законы / Платон. — М.: Мысль, 1994. — Т. 4. — С. 317–318.
4. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А.Ф. Лосев. — М.: АСТ, 2000. — С. 218.
5. Марченко, Л.Н. Теория государства и права / Л.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2002. — С. 64.
6. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М., 2002. — С. 185–186.
7. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. — М., 2002. — С. 511.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — М., 1997. — С. 26.
9. Луман, Н. Власть / Н. Луман. — М., 2001. — С. 13.

Поступила в редакцию 28.03.2016 г.